

101

ПРОЗАИК XXI ВЕКА

Татьяна
Летнева

НОЧЬЮ ВСЕ КОШКИ
ЧЕРНЫ...

Не удержать Любовь в руках, она, как голубь, рвётся в Небо. И где бы ни был ты, она тебя переиначит, перевернёт, всё перепутает, заменит невпопад, а это значит – не обыграть её, и, как бы ни пытался опередить, не обойти её ни разумом, ни наугад... В ней и гармония, в ней и разлад... В ней новизна стабильностью познаний, в ней аромат несказанных признаний, в ней приоткрытость из незнаний, в ней ожидание, уверенность свершений и нерешительность бесспорных мнений. В ней острота из неожиданных волнений.

Татьяна Летнева
Ночью все кошки черны
Серия «101 прозаик XXI века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57127945

Ночью все кошки черны...

ISBN 978-5-00170-076-0

Аннотация

Перед вами новый авторский сборник любовной лирики стихотворений в прозе или поэзопрозы Татьяны Летневой в проекте «101 прозаик XXI века». Издание дополнено новыми произведениями последних лет и включает в себя востребованное переиздание прежних лет из сборника «Многообразие любви». Это любовная, пейзажная и гражданская лирика, стихотворения в прозе, поэзопроза с ярко выраженным авторским лицом, рифмованная и нерифмованная проза, верлибр или оригинальный свободный стиль переплетений поэзии в прозе с ярко выраженной индивидуальной эмоциональностью, искрящаяся восторженность и позитивность мироощущения – удивительное, ярко индивидуальное авторское самовыражение. Необыкновенная «поэза» восторга или восторженная поэзия в прозе Татьяны Летневой поражает открытостью и околдовывает своей искренностью. Сильнейшие идентификации, аллитерации, неологизмы, сочетания рифмованного и свободного

белого стиха подчёркивают её своеобразие и самобытность творческого самовыражения. Её «поэзопроза» никого не оставит равнодушным. Кто прикасался к её искренним «мыслям вслух», несмотря на «горести и смятение чувств» (с) (К. Ковальджи, тот, кто хоть раз почувствовал «вкус» ее поэзопрозы, «поймёт, насколько талантлив и самобытен автор. Неподражаем, неповторим»). (Из отзывов, переписки автора с читателями).

Прикасаясь к душевному порыву и устремленности в понятие и состояние «Любовь и Вечность», вы попадаете в мир поэтессы искрящейся позитивности, яркой чувственности и полётной раздумности. Незабываемых мгновений созвучия и проникновения, дорогой читатель!

Содержание

Свежий ветер и правильный курс	7
Лицо одно, а отражений – бездна	12
Искренность на грани фола...	13
Экспромтом по времени...	15
Лицо одно, а отражений...	17
Стриптиз души	19
Запасной вариант...	21
Ландышевые потрясения	23
Тополя вековые	26
В игре по жизни в поглядайки	34
Лишь бы не кончалось...	37
Целовала осень хрупкими губами листопада...	42
Недавно и давно. Вновь повстречались...	43
И все решения у Бога хороши	45
Неизбежность времён года...	46
На крыльях стрекозы...	47
Целовала осень хрупкими губами листопада	49
Острой образностью	51
В последний день сентября в Коломенском...	53
Вечерняя серенада осени и собакам...	55
Осенний лес, земная твердынь и голубые озёра...	59
Осени огонь – летящий, рыжий конь	62

Дождиком перемен плакал ветер...
Конец ознакомительного фрагмента.

64

66

Татьяна Александровна Летнева

Ночью все кошки черны...

© Летнева Т., 2020

© Белугин А.Л., Сдобнова Ю.Б., иллюстрации, 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

Свежий ветер и правильный курс

Стихотворения в прозе – жанр очень изысканный, и по плечу он далеко не каждому. В нём строгость поэзии сочетается с вольным и длинным дыханием прозы. Важно, сохранив строгость в мелодике, воспользоваться прозаической строфикой для расширения смысловых и фонетических границ.

Книга Татьяны Летневой – это настоящий клад для тех, кто любит изысканные литературные блюда, где тонкость намёка и подтекста даже важнее прямой эмоции.

Удивительно наблюдать эксперименты с ритмикой жанра, которые Летнева затекает с первых страниц книги. Есть тексты достаточно строгие ритмически, где запись в виде прозы просто удлинняет зрительные ощущения, придаёт новое визуальное дыхание.

«О, искренность на грани фола...

Все ждут её как результат чемпионата по футболу. Живое слово словно гол. Подсчитывай начало счёта... в свои, в чужие ли ворота».

Здесь необычность образа отлично сочетается с формой и лексикой.

«Когда сердце свободно – запасных вариантов не будет, запасными видятся все. Отчего же неистово так оно бьётся, зацепилась в нём болью за чужие слова без мечты дерзкая фраза: “Запасной вариант – это ты”. Одиночество – рай, одиночество – боль. Одиночество – маршруты крушений...»

Тут уже совсем другой приём. Он напоминает тургеневские опыты в этом жанре. Каждая пауза, каждый смысловой поворот – в фокусе, читателю никак нельзя такое пробегать глазами, глаз должен останавливаться и погружаться в глубину замысла.

Летнева обладает своим особым чувствованием мира. Её зрение, и физическое, и духовное, настроено особым образом. Она нацелена видеть красоту и никогда не откажется от этого своего свойства. Об этом она проговаривается в тексте «Ландышевые потрясения»:

«Знаете, когда-то давно я попала в лесное море ландышей. Я его не искала, ЭТОГО МОРЯ, ПРОСТО гуляла в лесу. И вдруг... Это было как откровение. Потрясение чистотой и красотой. Ничего подобного я никогда не встречала, с чем сравнить? И можно ли сравнить?»

Это качество превращает тексты Летневой в спелую мякоть, которая желанна и тем, кто алчет сладости, и тем, кто

алчет свежести.

В книге действительно много свежего, много ветра, которого так подчас не хватает многим адептам филологической прозы. Она не боится, что её творческие паруса надуются слишком сильно, её курс всегда к счастью, а счастье – это преодоление дисгармонии ради гармонии. Таково, как я полагаю, творческое кредо Летневой.

Летнева – прозаик, несомненно, бунинской школы. И по темпу, и по пронзительности тем. Она умеет вполне обычный текст обернуть таким флёротом ностальгии, что сердце поневоле вздрагивает. И это тоже стихотворения в прозе, только чуть с другого литературоведческого ракурса. Зарисовка «Тополя вековые» пронизана тёплым духом тополей из старого центра Москвы. Это рассказ-воспоминание, он подкупает абсолютной искренностью и сочувственно-глубоким знанием людей. Точный городской ландшафт, точное знание быта людей, и невероятное ощущение бренности всего земного прописаны так же остро и правдиво:

«...Память тополиным пухом цепляла душу и приносила немую грусть и снежные, холодные размышления... Может быть, лучше было промолчать, забыть, стереть из памяти и не вспоминать об этом? То, что так долго лежало в самых закрытых закуточках, пушистиком поднялось вверх и исчезло, смешиваясь с облаками в небе... и таяло, таяло снежинками прошлого... Слышал ли или видел их Тот, Кто

свыше, к Кому они обращались с молитвами и слезами в Богословском переулке Москвы? Нет ответа...»

Когда я оцениваю русского литератора, всегда смотрю, что у него написано об осени. Осень для русских – сакральное время. Почти не найдёшь писателя, который не чувствовал с этим временем года особый резонанс. И всякий, кто пишет об осени, вновь обязан искать свою краску, чтобы не изобретать образный велосипед. У Летневой получается в осенний теме быть оригинальной и при этом верной духу русской осенней классики:

«Целовала осень хрупкими губами листопада... Ветер, вечный странник, пилигрим исканий, бархатом касаний обнимал бесстрастно. И скрывала слёзы марево прохлады. И рябины гроздьё ярко-красным маком, вкусом горьких ягод залетали в душу строчками восторга, грусти, заклинаний. Закружило снова листьями обета. И от ветрагнулись коронами берёзы...»

Этот текст буквально пропитан сырым воздухом осени с удивительным горьковатым, но при этом целительным вкусом поздних рябиновых ягод. Создать такое ощущение может только подлинный мастер слова.

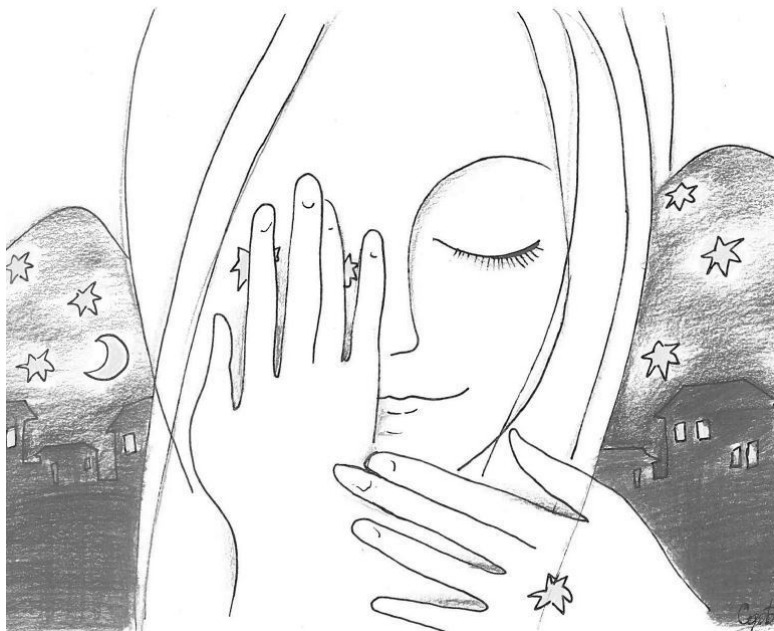
Летнева любит всё живое, а то, что кому-то окажется искусственным, она оживляет прямо на глазах у читателя. За

каждым её текстом виден человек не только чувствующий, но и думающий. В ней нет ни капли разъедающего святость литературы цинизма, она словно из другого времени, где главное – утвердить примат красоты и подарить её ближнему. Сейчас, когда люди прячутся от жизни в виртуальной реальности, это критически важно – спасти красоту, которая непременно, по завету классика, когда-нибудь спасёт мир.

Такие книги, как эта, для меня залог того, что всё будет хорошо, и мы за цифровизацией и рационализмом не потеряем человеческий облик.

*Максим Замшев,
главный редактор «Литературной газеты»,
первый заместитель председателя МГО
Союза писателей России, член Совета
по правам человека при Президенте РФ,
Президент «Академии Поэзии»*

Лицо одно, а отражений – бездна
Стихотворения в
прозе или Поэзопроза

Искренность на грани фола...

О искренность на грани фола...

Все ждут её как результат чемпионата по футболу. Живое слово словно гол. Подсчитывай начало счёта... в свои, в чужие ли ворота.

Изъяны критикует рьяно кто-то... Поднять, зажать или опустить? Нить дёргают функционеры слова, всегда за первенство готовы всей стаей налететь... вкусить! Чужой души. За обнаженье снова?

Поэзия всегда одна... на грани чистосердечия и безрассудства и не в досужих разговорах... Открытость, где любопытство соседствует с бесстыдством? Язвительность. Хихиканье в кулак. Сомнения?

А вы смогли бы так? Полётность и бескрылость. Возвышенность и приземлённость. Уверенность, что главное – влюблённость... в жизнь! Свет, солнце, тени, ночь и мрак. Где боль на грани выживания, поэзия – всегда признание. Себе и никому. Всем и только одному. Единственному. Всевышнему. И от Всевышнего... Найдите лишнего... Умей читать и между строк. Ищи намёк. И то, что передать глазами трудно.

Поэзия – твой опыт и урок. Души. Летящей за пределы. Но не спеши. Слышать сердцем – вот главный знак. Не всеу – слова – не вымысел – пустяк. Не обобщай, не растекайся,

до личностей не опускайся. Но душу, обнажённую, прими.

Вы спросите зачем? Ведь искренность укрыть и спрятать глубже, подальше нужно. Она чувствительна. Тонка, прозрачна и восхитительна! И уязвима. Уверенно-стремительна, чиста. Но чувство меры для неё губительно. Она сама – эмоции чрезмерность. В ней поиск смысла, несущий верность. Наивна, ранима и непостижима. Невероятной верой в Любовь хранима. Лишь в ней познание себя и мира. Её полёт похож на луки-муки или ножи на острие наития... Подумай, возвышенность – не лифт, не этажи... Ступени – воздушной лестницей из сердца прямо созвучием в душу.

Словам и мыслям тесно. Пиши. Не здравый смысл просит – чувства. Не арифметика пометит истину стихосложением искусства. Где искренность на грани фола безбрежностью души – не произвола, неординарность там раскроет грани. И исключительность в ней неслучайна. В ней сокровенность, тайнопись души. Страдай. Люби. Чрезмерностью дыши. Как кровью, откровенностью пиши! Вот искренность на грани фола – возьми...

Путь прямодушия или тропинка лжи? Пойми! В беседе жаркой – и двигатель, и фора! Не притворяясь, неподдельностью скажи! О искренность на грани фола – в ней и стремительности скорость, непредсказуемость подъёмом в горы, и результат – как поезд скорый...

Экспромтом по времени...

Человек придумал часы. И сказал: это время.

Только ВРЕМЯ беззвучно смеётся. Время – ветер и кроссы. Бесконечность вопроса. Подъёмы и спуски. Крутые откосы. С которых взлетать или падать.

А часы мирно тикают... ТИК... или... ТАК... В такт.

Время неуловимо, незримо, мгновенно. Всем ожидающим мчится на смену... И тягуче. Взобраться на кручу, обращаясь к векам, выдохнуть в бесконечность, время – ты вечность!

А по жизни бежать и отсчитывать дни, месяцы и недели. Мысли как гонки... не надоели? Думать... господи, опять не успели... Улетели... во взрослость. Не успели даже понять, не успели родиться... заново сердцем, чтобы влюбиться.

Ощутить себя птицей. Вопреки влиться и раствориться... или разлиться в лужах дождя во время цветенья.

Время – миг возрожденья. Сегодняшний май. Ночь. Расцветают каштаны. Так странно... А часы тикают... ТАК. Пониманию в такт. И на небе тоненький месяц.

Звёзды – ходиками на кухне, кошки глазами подмигнули лукаво... Видишь, сияем, крошка!

Думать о времени свысока – слёзы, не углубляйся пока... Подарить себе розы. Мысленно. Ароматом времени.

Что букет? Денег нет... Обнаглеть... Обратиться... Все-

вышний! Деньги или время жалеешь? Молчит. Думаешь, всё же ответит? Улыбаюсь... и себе отвечаю...

Временем разбогатеешь... Временем никогда не созреешь... Мало всегда. Всеобъемлюще и могуче. Нет времени круче! Капелька или микрон. Секстиллион!

В механизме часов – трон. И сидит там времени БОГ. Он очень строг. Так конкретен. Размыт. Он улыбкой умыт. Памятью тайны укрыт.

Время нетленно, но «человеков» не видно... жизнь пролетает мгновенно...

БОГ мой, молю, дашь ли свой след оставить на дороге часов... бес-ко-неч-ной Вселенной?

ВЫШИВАЮ СЕРЕБРЯНОЙ НИТЬЮ ЗОЛОТУЮ ЛЮБОВЬ НА СИРЕНЕВОМ ФОНЕ. Технологией человеческой жизни. Полётом весны, нет, уточню, временами года – огнём! не кнутом, а доверием! Жизни и смерти Временем. Человеческих чувств. Отражением бесконечным... невидимых буйств. Дождевыми каплями или брызгами солнц.

Время-Бог напрямую втекает к нам в дом, в мастерскую души... Нет, пиши... разумом... Знать, круголями вопросов иссушит...

НО раздумием душ... **СЕРДЦЕМ СЛОВ ДЫШИТ...** Слышишь?..

Лицо одно, а отражений...

Лицо одно, а отражений, словно в копилке восприятий, в сундуке Вселенной... бездна! как будто глазами тех, кто смотрит, рисуют не тебя – себя! деталями других... секрет окажется открыт... на небе звёздном так искрит! как много лиц в одном лице сокрыто!

Нюансы отражений, а в них противоречием? похожесть! Приятно для одних, в других лишь отчужденье... хорошее заметят – промолчат, а третьи и несхожестью кружат. Свинцом лежит печать! чужая суть пристрастьем или тенью, в которой отрицанье, твой лик специально исказит, но если радостью украсит, вдохнёт – искрой восторга – отразит. О, как тогда засветится лицо!

Неправда, если говорят, какой ты есть, таким в мгновенье отозвался. И в облике твоём, меняя платья, движение жизни... подобием случайным – неслучайным играют светотени... странно! вобрав в себя чужое дуновеньем и не вдруг становится твоим. Вот данность перекрёстков, их потоков.

Мы те, с кем нам приходится общаться, и только если ум, дух, воля соединятся, тогда ты вознесёшься, возвысишься над обезличенной толпой. Сознание индивида? В толпе необратимость, как в яростной и неожиданной реке сибирской. Снесёт! Обмен даёт реально знанье, что мы лишь отражение! В себя вбираем мозаику своих и не своих и неосмыс-

ленных открытий. Скажи, где нереальность, где реальность?

О пазлы, множественность, но, главное, не быть в толпе... Ведь повторение других в тебе, как отражение и отражения тех отражений, потоком хаоса читается и видится снаружи, на самом деле присутствует внутри...

Что примем, что отринем? от нас ли часто выбор наш зависит? или предписан кем-то? Пока в раздумье ты, влетело в тебя уже чужое и предпочтением отразилось иль отразится в зазеркалье жизни... в начале иль в конце...

Мы все из тьмы и света фантазий и энергий, непредсказуемость во времени до времени скрывается, таится и в твоём лице... В юнце старик и в старике юнец, и сын – отец... Но, главное, равнодушия венец, где жив огонь любви... бие-ние людских сердец! поскольку и у вечности для всех один конец... Лицо одно, а отражений... бездна!

Стриптиз души

Человек измеряет свои препятствия сам; если препятствий нет, человек не знает, чего он стоит, не может понять, на что способен.

Антуан де Сент-Экзюпери

Говорят, у души сто путей, если она выбирать умеет. И душа постигает себя, без препятствий она не созреет. В ней созвучности пламя и жар, интуиции чувственной дар. Не глазами видит и слышит. Между взглядом сомнений и слов, натяжение нитей – основ, не чужих, а своих представлений. Оставляют свой след пробы прошлых суждений, отношений, воззрений и мнений при условии... проникновенья. В юности нараспашку всегда открытость, влюблённость. Только есть оголённые провода – обнажённая незащищённость. Избирательность, камерность. И экстаз. Дистанцию, отчужденье боль несоответствия даст. Всё вбирает в себя. Сомненье. Противоречий борьбу. И каприз.

Говорят, ОТКРОВЕНЬЕ – СТРИПТИЗ... И друзей, и врагов берегись... «Раздеваться, дразнить, обнажать» – в переводе значение слова. Только светом душа дорогá, негатив раскрывать не готова. И наивная мягкость, и сила. Неприкрытой закрытости взмах. Смелость, трепет, эмоций размах. Жёсткость, опасение, ревность. Боль обид, холодеющий страх – всё в ней. Прячется. Недосказанность, слабость,

глубина и чрезмерность. Субъективность и зрелость. Чувствами обозначится. И наполнит познанием. Надо стержень иметь. Каждый меряет по себе. Восторгом, желанием, восхищения знанием. Дерзостью немолчания. Сложностью выбора. Яростным отрицанием. Ложностью. Недоумением и непониманием.

Опытом жизни отмерь... на себе её грани...

И поймёшь, на что ты способен и что стоят слова, обронённые вслух, – из себя, для себя и для всех... Больше двух... И в духовных исканьях, мыслями или в словах, обнажаясь в признаньях, истину обретать нелегко, несмотря на «искрометанья». Не терять, раскрывая себя. И обиды в себе не копить. Облекать сомненье в слова, многогранности подчиняясь, со стремлением овладевать, ложь и правду не растворять, и прочувствованное отдавать. Знает точно, в движении душа, что возможно себя возвращать **ПЕРЕПОЛНЕННОСТЬЮ** плодами, созревая душою годами.

Нужно откровенными быть. Только с искренностью не шутить. Избирательность, ярусами, с бесконечным трудом постигают все сами. И взаимность важна понимания! Вновь себя не жалеть, не казнить. Сложность жизни в душе принимая и способность к любви, не теряя, чувствами, как бриллиантами, дорожить, равновесие и гармонию слов, будто важность делами, ценить. В них себя из себя вне себя открывая.

Запасной вариант...

Когда сердце свободно – запасных вариантов не будет, запасными видятся все. Отчего же неистово так оно бьётся, зацепилась в нём болью за чужие слова без мечты дерзкая фраза: «Запасной вариант – это ты». Одиночество – рай, одиночество – боль. Одиночество – маршруты крушений. Раствори, разведи одиночество исполнением желаний. Говорят, технологии есть, их не счесть. Сам себя выбирай, сам себя сотвори, сам себя гипнотизируй, живи и умри! Сам себе будешь и Богом, ограничишься сроком... запасных представлений, игроком запасным сверхуверенных мнений. Запасным быть почётно разве лишь в спорте, а по жизни ходить в запасных – случай всегда, запасная звезда? В запасных навсегда?

Запасные в Любви – запасные дороги, по тропинкам исканий от себя, не других, убежать далеко невозможно, нельзя. Жизнь как поезд, разве что мчится не прямой колеей, а в зигзаг или кругом, на путях запасных спит, забытой, Любовь. Начинайся опять, начинайся как вновь... Если вдруг катастрофа случится, то вспомни о спрятанной не в кармане, а в сердце и в душе поищи закуточки любви на запасном пути.

Всё ж смешно, просто плачь... Оглянись и внедряйся... Я – ЗА ПАС, только НОЙ, как ковчег, как спасательный

круг, Я – ЗА ПАС от души – нитью Радости, Солнца, нитью Солнца и Веры – нитью Жизни! И по ней я взлетаю на спиральный гребень, необычной и странной, непредвиденной силы поисковой волны. С высоты ОМов и первых, и в ночи сверхполётной, в бесконечном мерцании звёзд холодных и жарких надежд, запасных вариантов и пилотов, крылатых, окроплённых Пегасовой кровью, в изобилии, или без счета, словно искр от костра... только там душа на двоих и «Едиственный» в ней.

Телефон мой молчит, и молчит ожиданье, запасная надежда интереса или лжи? Не спеши обрывать нити душ пресечением, в перекрёстках судьбы запасные мы все. Перекрёсток любви, перекрёсток забвенья, перекрёсток судьбы, перекрёсток надежды – вдруг сошлись в точке икс, запасными путями, в сердцевине познаний, запасными ЛЮБВИ, игроками по жизни – попаданием в цель и в других, и в себя!

Ландышевые потрясения

Способность жить на краю, на острие и не позволить себе свалиться в пропасть, не дать другим в толпе себя спихнуть – это дар. Познание себя в этой жизненной, «тончайшей постановке буйнопомешанных»... близок к острой боли не постижимой любви к жизни.

Знаете, когда-то давно я попала в лесное море ландышей. Я его не искала, ЭТОГО МОРЯ, ПРОСТО гуляла в лесу. И вдруг... Это было как откровение. Потрясение чистотой и красотой. Ничего подобного я никогда не встречала, с чем сравнить? И можно ли сравнить? Главное – неожиданность, когда не ждёшь и обретаешь, впечатление острым состоянием входит в память и чувства. Тогда это было настоящее море крупноголовых, распутившихся лесных ландышей, такая нескончаемая плантация среди деревьев. Куда я ни обращала свой взор, везде были они – ландыши... И никого рядом, никого... И потрясающий, головокружительный, сладчайший, тонкий аромат. Потом мне сказали, что переизбыток запаха ландыша может привести к смерти... если уснуть среди такого лесного ландышевого моря.

Свои встречи с отцом я могу перечислить по пальцам, по этапам взросления и страшного желания, до боли в голове и бесконечной, тонкой, щемящей боли в душе, желания понять, почувствовать необходимость своего в его или его уча-

ствия в своей жизни. Последний раз он появился в моей жизни, когда серьёзно заболел. Он умирал. Он ничего никогда не говорил и не объяснял. А если и говорил, то причинял несоответствием боль... например, словами... «Много с меня не бери...» Это касалось реальной жизни, очень жёстко-материальной... Но именно по жизни его не было со мной никогда, со мной была только боль непонимания: зачем? отчего? Я не пыталась судить его, мне хотелось осознать... ПОЧЕМУ? Я искала единения... И была во мне мучительная потребность в мужском участии и отцовской любви... Я не помнила о нём ничего, я почти его не знала... кроме тех напряжённых моментов осмысления внутри и вне себя – бесконечной боли, попытки ЧУВСТВОМ понять его и себя в случайно неслучайных встречах... Помнила почему-то, как он мне сказал, что из всех цветов любит ландыши. Я поехала к нему, несмотря ни на что, и привезла только маленький весенний букет ландышей. Он вдохнул их тонкий весенний аромат. Всего один раз. И положил на стол. На следующий день отца не стало.

Надо ли искать смысл в этих двух вошедших так остро в мою память «осколками стекла» жизни ландышевых потрясениях? Один – длиною в жизнь и бесконечной болезненной попыткой понять проблемы отцов и детей... Другой – короткий и яркий по своей красоте природный эпизод в лесу. Всего один только раз. Для меня одной. Как неожиданный, но не лишённый глубокого смысла знак. Ландышевое море разли-

лось навсегда в душе и памяти картинкой удивлённого восторга многоточием... Есть ли связь между ними? и почему так остро больно?

Говорят, важно только то, что ясной памятью входит в нас и не покидает, несмотря ни на что... Осколками драматичной памяти и болью в душе или эмоциональным потрясением. Эта страница никогда не устареет. Это страница смысла жизни и смерти. Это страница вечного поиска и осмысления. Перетекания большого в малое и малого – в бесконечность. И поиск причинности, истинности. Зачем и ради чего мы живём и кто посылает нам эти мгновения длиною в жизнь и миг – мгновением, откровением красоты? из хаоса мыслей, жизни – яркими островками памяти?.. И насколько хватает и хватает ли в нас любви, чтобы не сойти с ума в «тончайшей постановке» жизни? Главное – не уснуть от «сладости» в бесконечности тишины и красоты, и не задохнуться от боли хаоса... Только любовь держит на острие, только любовь не даёт упасть...

Тополя вековые

Заснежил цветом тополь с утра, томность жара входящего лета, майский жук прилетел вдруг вчера, и жужжаньем его я согрета. И шуршать в коробке – не умри! К уху крепко – корябчатый скрежет, словно в юность лететь до зари, к дереву жизни, в цветущую свежесть. Вся Москва в тополинном пуху, по асфальту шарами катает... ветер... память о детстве в снегу, где себя каждый помнит и знает. Черный памятник Пушкину спит, за спиной кинозалы в молчании... только в Сытинском рынок бурлит, опьянённый гулом признанья, вспомнить дом в Богословском, дворы, побродить к Патриаршим, по Бронной, дух Москвы, центра, в сердце – внутри, и в душе, что к романтике склонна. Пух легчайший кружит белизной, на ресницы стремится причалить и зарядить небо слезой, улетевшим и прошлым изранить... Гусеничной повисла серьгой тополиная «ягода» лета. Неразлучна с июньской судьбой белопухлость воздушного цвета. Тополиная снежность – июнь, память зрелости тает – не станет, головой, поседевшей, как лунь, жизнь мою, словно книгу, листает...

Как стояли полвека назад во дворе, в Богословском, так и стоят... тополя вековые... Загогулины рук растопырив. Свои ноги корней, прикрыв белой юбкой в узорах сквозных, известковых. Двор родной, нет, сейчас он знакомый... Измени-

лось вокруг всё, лишь они неизменны. Перестроено много. Тополя и двор детства, как прежде... Даже странно... Сколько жизней вобрали в себя? Неужели помнят меня?

Я вот помню, как стояла, обняв, к их шершавой коре щекой детства, улыбкой касаясь. Не обхватишь руками, их не хватает... Если б знать мне тогда... На качелях Вселенной, как весах жизни, взлетать хочется с детства – не падать, с тополиным пухом играя. Даром выбора – способность души, изменяя вокруг и внутри, поменять смогла бы варианты судьбы, на которых Любовь побеждает... Смотри... Как верхушки дерев – тополей в зимнем морозном пейзаже городских натюрмортов серое Небо уродливо красят. И культурами чёрных, обрезанных веток тяготеют тихо и молчаливо, но по-прежнему тянутся к свету! Вид их груб, но стремлением к жизни прекрасен! Как контрастность реальности чёрно-белой раскраской беспощадной бывает! Как безжалостно старание людей, обчекрыживших ветви деревьев... Понимаешь только весной, когда из нераскрывшихся, липких, закрученных почек закручиваются головы их, а летом... среди листочков пахучих спрячутся бусины светло-салатных серёжек, что свисают подвесками шариков круглых; облетевших и липких остатков раскрывшихся почек много так под ногами, к обуви липнут, и особенный, клейкий, густой, смоляной запах будоражит волнением...

Чувствуешь, как меняется лето с зимою местами – в нашей памяти и реальности воображением скрытым?.. Вот и

ты снова взлетаешь... вместе с тобою и воздух, и память, и пространство московских дворов. Летний пух тополей, словно иней, так похоже на зиму, снег пушистый, но тёплый и щекотливый... Зима – летом... или лето – зимой белоснежными семенами своих парашютиков изумляет. Недовольны? На ресницы садятся... Вечерами к сугробам пушинок, что сбиваются в шароподобные кучки, озадаченные горожане подносят горящие спички – пух поджигают... Во мгновении вспыхнут пушинки, потресчат, как сверчки, и исчезнут... Как иначе справиться с их назойливой жизнью? Или дождь всё спасает, прибывает влагой своей их к земле и асфальту... Разве прошлого нет? нет забот очищения у тополюной семьи? кружат и в настоящем, только ли в памяти нашей? и в детальных штрихах суетливого быта городских переулков, улиц, дворов, ностальгией души удивляя.

Помню, забор был, отделяющий двор и гул рынка, сквозь который и гомон, и солнце в окна сквозь расщелины досок радостью бился... с добрым утром! прикосновением света, тепла нам шептал... только ли мне?... Вдоль забора бамбук и в тени на припухлой земле продирались, приподняв уплотнённость, а около дома и серый асфальт, шампиньоны – грибы на поджарку, что почти каждый день собирали соседки... Скромный деликатес неимущих в черте городской... А сейчас это родное пространство разделяет со мной железный узорный забор.

Я пришла в места детства. И зима пока не ушла, бело-чёр-

ным контрастом залежалого снега, очертанием домов и деревьев мою душу графично цепляет. Но осталось сокровенное – память – судьбы людей и глазами из детства... светлый дворик и та потаённости дверца – низкая арка, без которой в дворик нет входа... Я о многих могла бы сказать, кто живёт в короткой памяти детства... Как входила во двор жарким летом, взглядом всё охватив, и восторг бился в девичьем сердце... пух летал, тихо спускался, под ногами шарами их ветер гонял.

Вот барак наш, семей десять его населяло, и соседский, отдельный – напротив. Там тоже семья. И всего-то три человека. Муж, жена и их дочка. Мала ещё очень. Лет пять. Муж с женою (как мне сказать вам об этом?) – короче, оба без ног. «Целина отняла их...» – так шептались старушки, что сидели на лавках, на скамейках, вечерами собравшись, и судачили о насущном... и, казалось, всё знали... Помню, женщина на протезах ходила, отморозила ноги в те далёкие «целинские» годы, когда молодой и отважной была, так говорили... А он – с костылями под мышкой шёл, одною ногой припадая, а другая – чуть выше колена и с подвязанной брючиной, колыхалась... Но какие красивые! Он и она, как артисты... Николай и Мария. Чёткие, яркие лица, глаза, словно с картины, и страданье пережитого их почти не касалось, так мне казалось... Говорили, когда поженились, были полны надежд и желаний. А потом, а потом, вот что... потом.

Целина, добровольцами уезжали... в неосвоенность жиз-

ни... Казахстан ли, Сибирь ли, Поволжье? Кто расскажет теперь мне? Что за годы то были? 1954–1960 годы целинных земель покорения. Я ещё в школе тогда не училась...

А вернулись герои – наполовину – с искорёженным телом... Кто их знал? и кто помнил? Никто... они сами лишь помнили всё...

Им дали в бараке, почти как в усадьбе, жильё... Вот улыбка ироний. Правда, неважно, что общественным туалетом был он в недавнем, переделали самую малость... «дом» одноэтажный. Одарили. За гражданский их подвиг, про который все почему-то молчали... Но зато ведь отдельно! Не забыли, какие проблемы с жильём в Москве были?! Улицы, переулки, дворы старой Москвы ещё многое помнят... Общезитие.

Отчего те кургузые тополя мне напомнили остро так судьбы людей? Может, в чём-то схожестью и параллельностью судеб? Неужели деревья как люди? Наша жизнь – ЦЕЛИНА... из познаний, событий и судеб... Успевай лишь осваивать... и понимать...

Помнишь девочку ту, что смеётся и улыбкой тепла согревает «подзамёрзшие» души, помнишь девушку, что стремилась любить, выбирая избранника, жизни не зная совсем, не забыл ли и женщину, что любила, себя позабыв?..

Растянулись мгновения в годы, в молчаливое, тягучее время, утонули в подробностях бесконечных забот именами, незабытые дни и судьбы листва. Помните? Тополя мне шеп-

нули, что помнят... Только мало кто слышит или отважится тихо спросить... И сколько осталось ещё их в Москве? Душой детства и юности вспоминала... Прочь не бежала, детством летала...

Помню, как однажды заглянула к ним в дом, подружку искала – Машу, чтобы с ней поиграть во дворе, мама её сидела на середине кровати одна и, обхватив руками обрубки несуществующих ног, качалась из стороны в сторону и стонала... Слезы текли по обеим её щекам. Обнажённая правдой картинка.

Я же видела её каждый день идущей из дома, уверенно, но жёстко и тяжело припадающей всем телом на искусственные ноги, балансирующую, казалось, слегка, как канатоходец, но стойко, героически шагающей на протезах, и скрип этих протезов при каждом её шаге как будто рассказывал, напоминал неприятными, скрипучими звуками о её нерассказанном горе... Как такое забыть? Её молчание и на людях удивляло не меньше, чем страдание, которое прятала как только могла. Главное, что их девочка была с ногами, да ещё с какими! Танцевала и пела: «Эх, лапти мои, лапоточки мои, вы недаром сплетены и на радость мне даны!» Машенька, красавица Машенька!

Или вот... тоже однажды, дядя Коля лежал на диване, и, когда я вошла и спросила о Машеньке, он резко и решительно потянулся ко мне, поскольку был только один, но отсутствие ног ему очень мешало... Неловкость испытали мы

оба. Он так смотрел на меня, что по спине побежали мурашки, тогда я ещё не могла понять отчего, но липкое чувство неприятия пронзило меня и напугало... Странно и настойчиво просил он подойти ближе, ещё ближе... Я, ещё ребенок, почувствовала запретное и сладостно-жуткое, исходящее от него, до головокружения... Только теперь понимаю, что это могло быть... Я резко повернулась и убежала. Это голое чувство страха и неизвестности до сих пор ярко во мне.

Вот такие странные памятные закладки... Позже мне рассказали: Николай загулял, разошёлся с женой, и судьбу маленькой Маши не узнать мне теперь... Почему им любви не хватило? Люди мешали? Или судьба? Как жестокосердечна, безжалостна жизнь. И как мало мы знаем каждый сам о себе и тем более – о других...

Память тополиным пухом цепляла душу и привносила немую грусть и снежные, холодные размышления... Может быть, лучше было промолчать, забыть, стереть из памяти и не вспоминать об этом? То, что так долго лежало в самых закрытых закуточках, пушистиками поднялось вверх и исчезло, смешиваясь с облаками в небе... и таяло, таяло снежинками прошлого...

Слышал ли или видел их тот, кто свыше, к кому они обращались с молитвами и слезами в Богословском переулке Москвы? Нет ответа...

Но в душе, кого я бессловесно помнила и любила, они навсегда останутся молодыми и красивыми, чистыми, несмот-

ря ни на что, потому что душа несмышлёного ребёнка не способна была делать предположения и выводы взрослых... Ну вот, кажется, и всё... Тех, кто жил в нашем дворе, Москва раскидала, жизнь бежит, в округе пространство меняя...

Какая короткая – длинная жизнь, и её так беспощадно обрезают мысли и поступки, обстоятельства, точно так же, как люди обрезают деревья... Зачем и почему так, а не иначе, – вечный вопрос. Я взглянула, как в последний раз, на свой двор и тополя вековые, памятью сердца тихо, к запретному прикасаясь, и зазвучала в душе моей песня словами: «Тополя, тополя, мы растём и старимся, но, душою любя, юными останемся...»

В игре по жизни в поглядайки

Иронические зарисовки о жизни или Пенсионная сюита...

Нам часто говорят, что счастье не в деньгах! Зачем страдать? Ах, улыбаться и молчать. Не надо. Вопрос здесь спорный. Зачем мечтать? Что нам осталось? Ничтожна малость. Смотреть!

Когда не впопыхах и на твоих глазах, разборкою полётов в бизнесах, наличными передают из рук и в руки, и вовсе не от скуки, неоднократно! не тысячу – бумажкой и не железки – мелочь, а пачки пятитысячных, причём так смело...

Ну каково такое наблюдать? В обычном общепите «Грабли». И чьи теперь те грабли? Залихорадило? вы что, озябли? И неужели опять? Себе же по лбу? И что терять? Не переплюнуть же судьбу... Так жить – ведь это не накручивать резьбу! Из рюкзака, как из бездонной бочки... А дальше? А дальше одни лишь точки...

Тащить, как золотую рыбку, приклеив на лицо улыбку. И, к сожалению, увы, не нашими руками, хотя касаемся почти плечами, дожёвывая греческий салат, давясь на гриле кабачками, немолодые так же рядышком, с ухмылкой и недоумением, и «завистью» сидели. А аппетит пропал. Сидели и глядели.

Но те, кто, несомненно, в силе, те ничегошеньки не ели.

Негордые бомжи спросили: «Зачем же так? Открыто, оголтело... Нам бедность тоже надоела. Завидки же берут. Купюрами не врут. О “мальчики”, мы с вами дружим. Что вы сказали? Ах, затяните пояса потуже?..»

Всесильные и головы не повернули, на шутку и не улыбнулись даже, считая и передавая деньги совсем не бóбсым... Конечно же, и для себя, и для своих же боссов...

Пенсионеры? Без вопросов!

Несолоно хлебавши пошли, поехали, но с позитивностью в душе, смотря на Небо! в спальный район к себе. Бывает же такое! Простое непростое. Контрасты жизни. ОБИДНО?!

Что вы! Здесь ракурсов количество любое. Оставьте диалоги все в покое.

Вот так живём и жили. И неимуций навсегда, и господа, где нет стыда... И всякий бедный, и пенсионер, бюджетник, вредный. И те, кто, несомненно, в силе. Главное, чтоб всем хватило и кабачков на гриле...

И это всё. Конечно, есть и будут, были?! В конфликте вечном. Уверены, что в бесконечном...

Однако скажем без утайки. Увы, реальный мир как байки. И очевидностью гонимы, несоответствием невидимым и зримым, так параллельностью живут бок о бок и те, заслуженно на отдыхе всегда, что господа, с безумной разницей в достатке, и те, кто государству отдал и жизнь, здоровье, работу и пролетевшие года... Возможность единенья – ерунда! Единовременно иль... никогда!

Но вдруг, надеждой, капелькой и всё-таки... до встречи, друг, пока!

Ужель пугливые, как зайки, в игре по жизни – в поглядайки, останутся, остались в настоящем, как и в прошедшем, навсегда?..

P.S. Сюита – одна из основных разновидностей циклической формы в инструментальной музыке; состоит из нескольких больших частей, в старинном жанре сюиты обычно контрастируют между собой.

Лишь бы не кончалось...

Я жёлтый цвет предчувствием звала и интуицией ровняла, а Осень рисовала как могла и душу, годы... и природой...

...В этом непонятном нам мире или в привлекательно-притягательном, так ощущаемо родном или, к изумлению, иногда чужом, где наши мысли, чувства подобны птице, с которыми не знаем, что делать, если дышим ими или пытаемся скрывать.

Но если вдруг, по непонятным причинам, не сумели, не смогли обрести взаимного притяжения, в них, в этих самых чувствах, мыслях и словах, всегда живёт больше вопросов, чем ответов. И они перелетают с одного понятия на другое, как перелётные птицы...

Только созерцание, отстранение или так называемый взгляд со стороны может дать отклик бессловесным молчанием. И то не всегда. Отчего так? Неужели предначертано? Почему не иначе?

Поразительно интересно жить, чередуя состояние страдания, размышления с безоблачным наслаждением или от кажущейся безысходности и неотвратимости до исполнения желания и счастливого выбора. Ах, какая полосатость жизни! Равно так же, как смаковать взаимное притяжение или, страдая без взаимности, уравнивать состояние отчаяния попытками разлюбить, отказываться от назойливого, устойчиво-

вого, не зависящего часто от самого себя желания быть вместе с любимым.

Человек не может без любви и продолжения, в этом состоянии самая главная его суть и предназначение.

Лишь бы не кончалось! Лишь бы не кончалось... Тут выдох. Всем хочется продолжения...

В природе ли, в мужчине или женщине, творчестве, искусстве, театре ли, в себе ли? в других ли? или своём вдохновении отражаться и видеть активность, и бездейственность, и непознанное, и осуществимую реальность, и загадочную таинственность, и также непознаваемое...

Любить повседневность, потрясающе незнакомую, всякий раз удивляющую, повторяющуюся день ото дня, замысленную, всё же, ещё и ещё... предсказуемо непредсказуемую и необходимую...

В маете будней, так хорошо узнаваемую, и без любимых, и с ними, и с собой, и без себя... вечно меняющуюся обычность, обыденность принимать и понимать широту свободы и выбора... и в падении, и в полётности... принимать, но не всегда понимать буквально эту невероятно восхитительную ЖИЗНЬ. Просто жить и радостно вдыхать каждый новый день!

Лишь бы не кончалось! Лишь бы не кончалось... Тут выдох. Всем хочется продолжения...

Перед ней всегда как ребёнок, наивный, несмелый и с постоянным вопросом. Или наоборот, задиристый, даже на-

хальный, но бездумный, пока шишки не набил. Сначала сделать, потом подумать... Почему раньше не сформулировал выводы? Почему всегда после? А дальше что и как это? Или наоборот...

Как обрести снова состояние восторга и благодарности? Перешагивая трудности, лишения, предательства, болезни, потрясения... Как принимать бесчувственно несправедливость, равнодушие, жестокость, войны, землетрясения и другие стихийные бедствия, но в каждом оставлять частицу себя, и понимание, и сострадание... и заклиная, принимать своим дыханием невзгоды, все представленья бытия, что неразрывны, невозможны без признанья и без очерченных границ, как без свободы, и мирного, бесстрастного житья!

И познавать, узнавать себя, других в полёте чувств и их проявлениях, и принимать или не принимать, одним словом, жить, растекаясь во времени и событиях... так заманчиво трудно и любопытно!

Лишь бы не кончалось! Лишь бы не кончалось... Тут выдох. Всем хочется продолжения...

Или вот... смотреть, когда летит маленькая птичка или гордый и сильный орёл в Небе.

Так же как слушать щебечущий хор воробышков, сидящих в пушистой хвое, будто специально спрятавшихся, приближенных к стволу вечнозелёного, елового дерева. Сидят рядами, друг за другом, живыми пухлячками, нахохлившимися шишечками на веточках, поочерёдно, словно забавны-

ми, похожими друг на друга, нотами в музыкальном ряду. И слушать их незамысловатый песенный гомон, перекличку, и улыбаться... Или гулять взглядом по городским проводам электросети, где они оживлёнными серо-коричневыми комочками присели, не боясь свалиться и упасть, но хоральной радостью естества и музыкально чирикающим множеством едины.

Или неожиданно, случайно, как бесценный подарок, в лесу услышать непревзойдённые трели почти бесцветного, невзрачного с виду, неотразимого и всегда одинокого! соловья.

Цельность, гармония и филигранная законченность в природе и во всех её проявлениях потрясает!

Лишь бы не кончалось! Лишь бы не кончалось... Тут выдох. Всем хочется продолжения...

Как и безнадёжно уходящим, бессознательно ожидающим, так и начинающим, входящим в жизнь неосмысленно и с интересом восторга, всем хочется, желается движения, живости, активности и текучести. И ощущать почти незримое чувство равенства с константой, движущейся изо дня в день неповторимой жизнью. Живём!

И призыв этот, проявленный или неотмеченный, больше всего касается конкретно каждого, не обезличенно, а индивидуально живущего, с неисчерпаемым продолжением от каждого узнаваемого в пока ещё неизвестного, незнакомого, начинающегося другого...

И все мы в этом своём устремлении так похожи, как сёстры и братья, даже если и с небольшими, даже если и большими, внешними отличиями...

Лишь бы не кончалось! Лишь бы не кончалось... Тут выдох. Всем хочется продолжения...

Я чёрный цвет для ночи берегла, для утра – радугу расцвета, чтобы все краски сохранить для жизни и любви – не для кончины улетающего лета!

**Целовала осень хрупкими
губами листопада...
Осенний блюз или
Признания осени...**

Недавно и давно. Вновь повстречались...

Опять дождит. Нежданно и незванно. Вновь осень на пороге. Закончилась жара. Листва поблёлкла. И в сердце пасмурнело. Так пасмурно! Болью желаний сомнение назрело... Лужи кругом. Иль лжи? Брести по лужам? Промокли ноги. Влажность холодит. Ну где же Боги? Зонт не спасает. Желания вдали. Но близостью волнуют... Кто это понимает, того и жди... Тепло туманностью стекла напоминает. Мы живы. Дыханием любви.

Кто осени не ждёт? Кто осени не различает? Однообразием стучит в окно. И монотонностью пугает... Среди тумана найдены мгновения. О боже, как же чувствам тесно! Цепочка из дождей?! Недавно и давно. Вновь повстречались. И сердце замирает. Найдёшься в настоящем? Напоминанием прошлого? Дороги и тропинки прожитого... плохого и хорошего? И в прошлое не рвись, но береги – нервующуюся нить, увидишь, она не пропадает, бьется... соединяется лишь чувством, Любовью зовётся... и Вечною Любовью – неумиранием во времени... безвременьем дождей... Смелей...

Чьими глазами осень смотрит? Ведь никого не спросит... Ах, осень, зачем ты так желанна? Ты снова горяча... Раздумием, и чувством, и слезой... Шуршанием листвы и тишиной... Догадка – ключ. К молчанию. Жизнь интересна тай-

ной – и не одной... но отчего в дожде так много грусти? Вот ветер шепчет: не сомневайся. Ты все сомнения отпусти. И погрусти. Незаменимость в переменности... Надежда и Константа. Спиралью Верности. Не веришь?

А ты на самую вершину взлети! Навстречу ветру, ливням и дождям... Ну, как там? Нет, осень всё ж НЕ-ЗА-МЕ-НИ-МА! Контрастами ранима, но бесконечно чувственна... И так прекрасна... и колер рыже-чёрный, а жёлтого-то сколько, зелёный не потеряян, красный... какой сезон! волнением и убеждением страстный! и в грусти, и в тоске, и в радости... Ты всех прости... и в осень с головою! даже под дождём! лети!

И все решения у Бога хороши

Рыжей тыквой круглая Луна, как абажур уюта во Вселенной, пятном надежд вписалась в сумрачное небо. И Ангел ночи в чёрный бархат тьмы вмиг горсть – сиянье звёзд – рассыпал. Вот только ветер, холод – дуновения проказы – всё гонит прочь фантазии и сны. И словно листья, облетают и слова, и чувства. Как хладнокровна Осень. В ней время перемен, сомнений и прохлады буйство. И пустоты. И нет тепла, доверия, как прежде. О, как орнамент хлада точен. И первый иней чёткостью узора сквозит через дожди. Но только сердце шепчет: подожди... Ведь Осень – это результат на прочность. И что бы ни случилось, не теряй надежды... Где осень, там и щедрость глубины. Ты вытри слёзы, что с Небес души дождём прольются. Неглубока поверхность ощущений, бездонна кладовая сердца... ты слышишь, оно бьётся... И все решения у Бога хороши. Вот вскоре снег укроет Землю теплом покрыва белоснежным и все проблемы запросто решит.

Неизбежность времён года...

Как страницы из книги, дни листает погода, неизбежностью смены четырёх времён года.

Разноцветьем лоскутным, тихим шелестом листьев, бесшабашностью скудной, так похожей на лисью...

Словно женской помадой и нюансами блеска, исчерпав сутки кряду, уходящего всплеском, по-осеннему щедро, не без помощи ветра, упиваясь свободой, разноцветно, полёт-но... красит губы природа.

И противясь уходу, с безмятежностью взгляда, не грозясь непогодой, ЗОЛОТИТ ЛИСТОПАДОМ!..

На крыльях стрекозы...

Смотрите, стрекоза! И крылышки её – слюда. Она летит сюда! Быть может, чья-нибудь душа? Прозрачность крыльев расписана штрихами, а может быть, стихами. Да, крылышки шуршат и о любви нам говорят.

Опять о теле, о душе? Да тело ни при чем, когда душа свободна, она питается и сном, если Любовь полётна. Что тело? Разве дом? Когда окно и дверь – проём! Возможность выйти за пределы.

Душа вспорхнула – улетела... На крыльях стрекозы записаны нюансы прошлого... Да что вы!? Оно стреножено... Но розы есть... Какая честь! А про шипы забыли? Цветы – отличный остров, в мечтах и жизни так непросто! А вы когда-нибудь любили? Дышать вершинами мечты, дни-лепестки – заманчивые грёзы. Ну а в душе? В душе – занозы...

Лети, где все дороги – нить удач! Забудь плохое и не плачь!

Напрасно, что ли, говорят, что стрекоза – «ведьмак»? «Драконовая муха» – знак! Через дожди и в прошлое летать? Там боль обид, разлук... Пустяк?

Я чувства возродить хочу, смотрю на стрекозу – молчу. Пусть к декабрю морозы... Но осенью, когда желания в нас, мне дорог каждый миг и час. На ароматные колосья резеды присесть, зашелестеть волнительностью фраз... стрекозкой

статья, стрекóзой!

ЛЮБОВЬ – МЕТАМОРФОЗЫ!..

Целовала осень хрупкими губами листопада

Целовала осень хрупкими губами листопада...

Ветер, вечный странник, пилигрим исканий, бархатом касаний, обнимал бесстрастно. И скрывала слёзы марево прохлады. И рябины гроздьё ярко-красным маком, вкусом горьких ягод залетали в душу строчками восторга, грусти, заклинаний. Закружило снова листьями обета. И от ветрагнулись кронами берёзы.

Вот и бабье лето нас не обмануло, опьянило светом и теплом ухода. Август переплёлся осени цветами, пылом, жаром, духом уходящих в осень дней-воспоминаний.

Целовала осень хрупкими губами листопада...

Продлевает лето осенью Всевышний. Запахами парка вновь не надыхаться, вновь не наглядеться тишиной заката, шёпотом осенним листьев под ногами. Бабочек случайных – как привет от лета, и раздумий море – радость моя, где ты? Где свершенья, осень, в вихре дней осенних? Листьев обещанья – кружевом обмана, мимолётность жизни и любви печальной...

Целовала осень хрупкими губами листопада...

Как же это странно... Где витают мысли, чувства беспредельно? Кто мы? Люди, птицы? Бабочки, деревья? Вечностью надеты горы, звёзды, небо... Холод и величье, трепет,

опасенье... Только нет в них чувства, буйство красок лета, только нет мечты в них, только нет ответа...

Целовала осень хрупкими губами листопада...

Только осень, осень... в сердце и в природе... Рыжая колдунья, прима увяданья... Осень – чаровница, бестия, плутовка, страсти кружевница... Жизни мирозданье, перемен снисканье, времени лет мельканье и души страданье...

Так целуй же осень... мигом опозданья... продлевай мгновенье... сладостью обмана... В чём судьбы спасенье? Ангел мой осенний, думами крылатый, всё ж спустись пониже, обернись туманом, каплей дождевою, тёплой тучей встречи – лучиком надежды, прикоснись словами, как слезой доверья... Будь со мной как прежде... будь ко мне поближе...

Лишь душа готова к испытаньям снова, прежде чем услышит голос, что нисходит свыше...

Целовала осень хрупкими губами листопада...

Обещала, обещала, обещала...

Острой образностью

Как прозрачно, восхитительно осень рисует... тихим, сухим и безветренным днём... Из ветвистых, изогнутых, чёрно-бархатных веток так графичен на небе тончайший офорта узор.

И набросок неподражаемо чётко и метко, расписавший и воздух, и невесомый простор, силуэты природных, неповторимых отметок, лес-наборщик рассыпал типографским шрифтом.

Как причудлив и нем геометрией плавных изломов, прямо-острых изгибов и мягко-тонких углов, караул шероховатых, но тёплых на ощупь, неразмерных, линейных чёрно-серых стволов.

Как же осень незабвенно и страстно танцует! Затаила дыхание, сбросив на землю подряд многоярусные юбок, листьев, как кружев, свой прохладный, шуршащий, жёлто-хрупкий наряд. В па-де-де стоп-кадром застыли, устремлением к небу клубясь, гибко-твёрдые ветви и древи, не задумываясь, переплетаясь.

Обомлели в преддверии инной прохлады, пышность, вдруг потеряв, деревья. Дуновением, еле заметным, мягко ветер ласкает не одетые в снежность тела. Вновь пером Муза тихо коснулась белолыстья бумаги едва, и душа боль и радость дарует пульсом сердца восторга слова.

Осень, осень, красавица-осень, ты мгновение счастья,
итог. Острой образностью наделяешь быстротечной жизни
урок.

В последний день сентября в Коломенском...

Вновь заручилась осень венками из листьев клёна – беретками падения шуршит. Почувствовав влюблённых, от будней ускользящих, на солнечных лучах качает... Отдохновением бродит по коломенским дорожкам, восторгом переливает охру.

Над речкой простором дышит, в густую аппликацию кружав вплетается пестрящим чудом. Мазками разноцветных одеяний со звуком БИЛО, музыкальным, летит в синь поднебесья.

И с воздухом густым, осенним, с глубоким вдохом сердца приходит ясность пониманья, открытием внезапным: чем жизнь не песня? И я без слов вдыхаю осень, и счастлива, поверьте...

А молодость беззвучно, щедро, прижавшись носом к носу, укрылась в венках из листьев, чтоб не было вопросов, от посторонних взглядов смущенье сберегает. Как птицы клювы прячут, уткнув его под крылья, всё думают – не видно... Ну как не вспомнить здесь индусов! И нежность во всём такая, что напрямую – в сердце!

Вот на Коломенских холмах сесть, прижавшись поплотнее, спиной к сосне осенней иль к дубу, берёзе, клёну и сквозь мозаичность листвы, игольчатость деревьев хвойных

закинуть счастье улыбкой тихой на облака Вселенной.

Теплом безбрежья, солнцем, усыпав палою листвою, узорами шуршащих одеял и благостью наши сердца, уходит осень днём последним и выдыхает на прощанье лето...

Вечерняя серенада осени и собакам...

О осень, тебе я серенаду вновь пою! Восторгом обнимаю! Осенний парк, иль в прошлом – сад, ты чудо! И под ногами листвы столько, не захочешь – зашуршишь. Шуршать бы так деньгами, с иронией в словах, один собачник мне сказал. Да ну вас! – улыбнулась. Хотя подумала, неплохо бы, но отмахнулась от этой мысли. Всё нереально. Зато азарт в душе и радость на лице и морде, когда выходишь поздно вечером с собакой погулять.

О, как летит и рассекает пространство рыжая девчонка, сливаясь цветом шерсти с рыжею листвой! В секунду становясь порывно-встречным ветром! В какой-то миг соединилась с ней!

О Джинни, беги-лети! В себе познать свободу, восторг – в полёте, не отрываясь от земли!

Лишь ветер обтекает тело и звуко-свист летящего стремленья. Смотри, Я – ураганный лист! Попробуй отличи в вечернем сумраке, когда одной мы масти! Сейчас я здесь! Теперь я здесь. А вот теперь... Ты не увидишь, не найдёшь меня! Смотри, как далеко. Вот умора! Джинни! Где твой залихватский лай? Зачем, так неожиданно приблизившись, молчать, толкаясь под ногами? Ах вот ты где?! Как тут ориентацию не потерять?

Недалеко, почти что рядом, друг по выгулу: роскошный,

плотный, светло-беж, по кличке Доби, лабрадор. Настойчиво гоняет за красным лазерным лучом, как за несбыточной мечтой.

Поймать никак не может – и это возмущает! Недоумение – в складках на башке и в удивительных глазах – на дивной, умной морде! Не по погоде несоответствие такое!

Джинька рядом: мы тоже полулабрадоры! Давай играть! Не концентрирует вниманье!

Ах так?.. Тогда я тоже по себе сама. Сейчас девчонки его не привлекают! Главное – неутомимость поискодвиженья! В чём дело? Сплошное разочарованье: почти поймал, лапой придавил, почти что съел – а нет его! Какая неугомность и одновременно бестолковость – не понимаю? Давай опять... за лазерным лучом гонять!

Улыбка не сходит с губ... Вот и душа вдруг ожила. Как здорово: вдыхать осеннюю прохладу, бродить, и удивляться, и преданно в глаза смотреть. Она – тебе, ты – ей, лишь с тем отличием, что не висит язык наперевес. Устав от беготни и собственной восторженно-активной прыти, спешить узнать необходимость своей причастности. Подпрыгнуть радостно и лапами приблизиться к тебе: «Ну похвали! Погладь! Видишь, как здорово! Дышать как паровоз и не заморачиваться о сложности существования! Ах, в этой жизни... столько может быть открытий! Ну вот опять, так холодит земля, нарою ямку для себя. Быстро-быстро... так жарко... надо полежать, прижавшись к ней разгорячённым телом. Теперь ты

понимаешь, нет, чувствуешь, что жизнь прекрасна!

Запах листвы, сумрак вечера, спокойный, прохладный ветер: тихое прощание с рыжей осенью. Шум утихающего города и жаркое дыхание преданной собаки. Тесное присутствие друга, который никогда не потеряет интерес к жизни. Ласковая моя! Хитрющая!!! Неугомонная! Ветроподобная!

Потрясает красота деревьев, что в своей густой черноте стволов и протянутых рук-ветвей и верхушек облысевших крон безмолвно зывают к умирающему без света небу скорбным молчанием. Скоро будет совсем черно, и только серебристое мерцание звёзд, там высоко – не дотянуться – и белая луна... Неестественно, сине-жёлтой искусственностью горят фонари, которые светят глазам, а не душе.словно из другой жизни... Мы пойдём по тротуару знакомой дорогой к дому. Приближается ночь, город тоже затихнет – подремлет недолго. А я уношу маленькую частицу своей планеты в дом. И главное – с собой – кусочек тихого спокойного открытия. Чтобы перед сном, засыпая, вспоминать, улыбаясь, забавные минуты обычного человеческого и собачьего счастья. Открытие закона перетекающих сосудов: сколько же свежести, истинности влилось в меня! Этот рыжий бесёнок вновь подарил мне ощущение невосполнимости утекающего времени. Чувствую рядом теплоту и сопение бескорыстного, восторженного друга. Милый мой, собак! Как здорово, что ты есть! Одиночества стало меньше ровно настолько, насколько дышит им жизнь. Душа, не спеши, не удаляйся быст-

рыми шагами в зиму. Рыжая, грустная осень, знаю, завтра тебя будет намного меньше, чем хочется. Дождь со снегом, резкий ветер, выюга – мурашки по коже. Холодно. Но я навсегда запомню этот вроде бы обычный – необычный вечер. И твоё потрясающее, тихое вхождение в душу своей ненавязчивой неповторимостью мягкого, осеннего прощания. С уверенностью повторения. Подожди, не умирай: это я уйду, сбрасывая листья, как одежду. Иногда необходимо ощутить совсем немного – как мало надо! – чтобы снова возродилась потребность верить и ждать... Жизнь продолжается.

Всё повторится, возможно, кто-нибудь очень скоро пропёт и мне вечернюю серенаду:

«Как прекрасен этот мир, посмотри!»

Осенний лес, земная твердынь и голубые озёра...

Осень – это чуть-чуть грустно всегда. Ветер треплет золото листьев. Смена сезонов – не ерунда. Приближаются холода. Вытесняют щедрость улыбки и лето. Лето теперь лишь звезда. ОДИНОКАЯ. Вдаль уходит, в печаль неглубокую.

Тучи небесные в красках свинцовых. То ли Небо упало в озёра, то ли озёра влились в Небесные берега. Отражений удивительных блюдца. А прохлада словно беда. Всё реже балует солнышка луч. Скользит теплом чувств по мыслям и далям. Намечает неслучившимся, словно сбежал на секунду с необъятных, холмистых, земельных круч и качается озорно с невесомых, пугающих туч.

Всё чаще, и весьма зло, на облаках небесных ширь взбаламутит, пересыплет самолётниками-вертолётниками, семенами-листочками, неслышно шелестящими, спирально падающими, играющими трепетно с дыханием уходящей осени, что кружатся и с нежеланием медленно опускаются на поверхность земную и водную. А земля ковром игольчатым устлана, сверху украшает сама себя охрой осыпающихся щедро берёз.

В каждом закатном вечере на берегу озёрном – дух Жизни и Умирания, необъятности и равновесия, бессмертия и познания.

Перебирают серебристо-седыми, перламутрово-серыми верхушками игл только ели, да сосны густистые указуют, прошивают воздух лесистый и перетекают по масштабности простора лесного.

Голубые озёра от движения ветра меняют окрас свой: то в серебро ударятся, то в гладость сияющей черноты. Дождь морозящий, мельчайшая изморось слегка морщит, рябит поверхность воды. Короток вечер. А мысли *долги* и витиеваты. Кружит голову запах пожухлой травы, дым костров и истлевающей листвы.

Неслучайна красавица, Осень. И линуют глубинностью просинь на озёрной глади чернеющих вод только белые лебеди точками света, словно письма любви оставляют на каплях озёрных.

Трогает уходящая Осень, грустная Осень тихой, кажущейся спокойной рассудительностью, мудростью... верно, не весна она...

Ну так что ж, что одна... безнадёжно опять влюблена? просят же, полюби себя, уходящая Осень, и свою инную проседь житья, в ней же столько прожитых вёсен... вот только ветер несносен, слишком торопит... но, скользья, всё ж не смеет снести навсегда вдохновения перья – продолженье надежд от всех строк подмастерья.

Земная Твердынь... Псковская область... Запах судьбы как полынь... Известковость пустынь... Пропитана щедро солдатской кровью и историей вековых крепостных и цер-

ковных Святынь. Полита слезами, как дождями, и пронизана болью людской.

И склонили монументы изваянием серебряной краски непокрытую голову памяти незабытой реальности войн.

Всем погибшим за Отечество – вечный поклон.

И контрастом ярчайшим – Природа, величием, красотой и объёмом свободы, неизбежности наготы. И Земля, как оплот Смерти вечной, пожирания плод и текучести Жизни нестигаемый возрождения плот.

Осень... Псковская область, Опухлики, Чижевщина, Стуково, Изборск, Печоры, Михайловское, Тригорское, Пушкинские горы.

Осени огонь – летящий, рыжий конь

Когда улягутся все страсти, как отраженья на воде, и рябь неточностей ненастья все чувства охладит во мне, в себя вберу я Солнца ярость, горячий свет его огня и ухвачу пучок сознания за хвост – как рыжего коня!

Букетом огненных исканий, что так бесчинствует во мне, я вознесу восторг незнания и удивления вдвойне!! Звездой жизни, сна, желанья я угли тленья разбужу, ростками истины, признанья, опять к земле душой прильну.

Нюанс рождён горстями зёрен, калейдоскопом граней – дар, и мысль мозаики невольной – всеочищающий пожар! Но откровенна (даже больно!) та мысль: экстаз познаний – **НОЛЬ!**

Стреножить невозможно ложью талант стремленья к небесам, и, обнимая осень тленом, кружатся страхи налегке. Пугает ветер круговертью, спиралью музыки и драм... Там рдяный конь летит сквозь ветви... просите! и дано вам будет!.. в снах?!

Зачем полёт желаний прежних опять тоской пронзил меня? Предельность знаний человека... огонь, пылающий, как кровь, где языками пишет пламя, что **ЖИЗНЬ ДАРУЕТ ЛИШЬ ЛЮБОВЬ!**

Величие дано в нюансах, что в бликах Солнца рождены, поверх воды, игрой пасьянса – мираж из солнечной игры.

Вплетая в огненную гриву цветы желаний и мечты, Вселенский Бог, огня создатель, стихиями нюанс плетёт, косицами своих сказаний через века Дух вознесёт.

И воздух пламя раздувает, и постижений искр – огни. Дыханьем осени всё знает... Мы во Вселенной не одни. Пусть холодна зима, но иней... снега снегами и... покой, успокоением, дыханием, прохлады жар, контраст игрой...

Сразит всех осень накануне... уход прощанья – страсти бал, но зал познания из неги по-прежнему безумно мал! И в белом снеге спектр красок, что растворился в белизне, мерцаньем лунной ночи... кряду... меняет маски, как во сне, игрою звёзд, блистаньем хлада... запрет и смерть страшат во тьме.

Но красный конь, души старатель, летит стремглав, поверх земли, и холод лжи и бессердечья, движеньем жарким сократив, всё поглощает этой встречей! Сжигает солнцем зависть, злобу, людских деяний негатив.

Вовлёт Огонь сердец Вселенной игрой стараний вековых... неповторимый мир преданий, из Жизни, Сказки и Любви. И ОСЕНЬ вновь всему виновна – огнянность листьев на ветру – игрой красы так полнокровна! шепнёт, босой ступая в зиму... пока любовь в душе... поверь, и в снах я не умру!

Дождиком перемен плакал ветер...

Дождиком перемен плакал ветер, не стыдился, размазывал слёзы по стекольным щекам мутных окон. Наклонял верхушки стоящей берёзы, шапки снега сдувал и бросал стылой охапкой, и стучался ветвями, завывал неутешностью зябкой. Залетал в расщелины воем, тосковал, повергал в трепет, сказывал страшные сказки, неизвестностью мучил, но мечтал о Любви.

Затерялась она, будто синие грёзы, и как сон растворилась капризами в стразах, босоногой бедняжкой запропала вдали. Плакал ветер по нежности тихой, рассыпáлся дрожью скрытых желаний, то ласкал, то будоражил в объятиях, срывал с деревьев белоснежные платья. В неисчислимость первых снежинок вкрапливал робость мельчайшим кружением. Припасал непреложность точных суждений. Всё искал грань перехода в реальность.

И с полотнища бескровного неба опускался прохладой скованной влаги. Белоснежность в преддверии стужи и узорчатость вьюжистых кружев представлял в безветрии пухом, одевался безмолвием, одеялом без звука, ограждал снегом надменности хлада, жажду страстности остужал шёпотом снегопада. Неутешно шептал губами исканий: где Любовь во безбрежности тайны? Где же искренность пламенем жара? Где взаимность переплетений желаний? Стук сердец, моле-

ний бескрайность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.